

Михаил КУРАЕВ

ПАМЯТИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНДАРМА

Говорят, поселок Вырица, что в шестидесяти километрах от Питера, самый большой в Российской Федерации. И это похоже на правду. Шесть остановок электрички. Девятнадцать километров в длину... И больше двухсот улиц. Гиперболический поселок. Но вот что примечательно.

Есть в Вырице «литературный квартал», иначе и не назовешь.

Между Сиверским шоссе и речкой Оредеж, переплетаясь и скрещиваясь, расположились улицы: Пушкинская, Крылова, Гоголя, Тургенева, Льва Толстого. Чехова и даже Ломоносова. Михайло Васильевич, надо думать, в эту славную компанию попал не за закон сохранения материи, а за вклад в отечественную словесность. Нарочно ли или так уж вышло, но среди всех этих прямых улиц улица Гоголя наособицу. Летит от улицы Ломоносова и упирается в Коммунальный проспект, так тому и быть, но по дороге под прямым углом вдруг образован проулок, соединяющий, разумеется *на дружеской ноге*, улицу Пушкина с улицей Гоголя. Проулок носит имя Гоголя.

Такое вот коленце.

А может — протянутая рука... Хорошо!

Улица, почти проспект, Островского пересекается с улицей Рылеева... Неожиданно, но интересно, есть о чем подумать.

Что-то понимали в русской литературе, и не только в литературе, люди, наделявшие именами новые улицы родившегося в начале прошлого века дачного поселка, и те, что меняли в Вырице топонимику царских времен на новую, советскую.

Проспект имени успешного дельца Матвея Эдуардовича Сегалья, обращавшего лесные уголья в дачную местность, стал проспектом имени председателя Петроградского ЧК Моисея Соломоновича Урицкого. Появилась и улица члена ВЦИК беспощадного Моисея Марковича Володарского, тоже, как и Урицкий, он был убит летом 1918 года. Так что и улица Жертв Революции появилась в Вырице не случайно.

Проспект имени предприимчивого *великобританского подданного*, торговца дачными участками Матвея Яковлевича Эдвардса стал улицей Владимира Ильича Ленина. Одна из самых протяженных магистралей упиралась в великолепный сосновый лес, не лес, а мечта человечества! Бор, обретший в наши времена истинного хозяина, вырублен и вывезен.

Но вот в литературном ареале Вырицы есть и улица славной летчицы Полины Осипенко, по первому мужу Говяз. Казалось бы, случайно, но едва ли. Как можно предпо-

---

Михаил Николаевич Кураев родился в 1939 году. Окончил театроведческий факультет ЛГТИ им. А. Островского. С 1961-го по 1988 год работал в сценарном отделе киностудии «Ленфильм». По сценариям М. Кураева снято 14 полнометражных фильмов («Сократ», «Господа присяжные...», «Раскол» и др.). Автор 20 книг прозы. Произведения переведены на 12 языков. Лауреат Государственной премии Российской Федерации 1998 года. Живет в Санкт-Петербурге.

ложить, сделано это в подражание писательскому поселку Комарово, где писательские дачи, на ладан дышащие с середины прошлого века финские домики, как раз стоят вдоль улицы Осипенко. Так что героическая летчица по-своему близка и к ленинградским, а теперь и к Санкт-Петербургским писателям. Стало быть, и в Вырицком литературно-топонимическом собрании знаменитая летчица не чужой человек.

Если бы Георгу Вильгельму Фридриху Гегелю случилось побродить по Вырице или хотя бы обозреть ее сегодняшнюю карту, он бы еще более укрепился в феномене, которому дал имя: *ирония истории*. Укрепился бы в этой мысли еще и потому, что литературный квартал, как непременно заметил бы Гегель, обладает *квартальным*, да-да, кварталным надзирателем в лице Федора Спиридоновича Ракеева. Улица его имени как раз неподалеку; не пересекается с писательскими, а, как и полагается, чуть сбоку. Настоящий кварталный знает свое место.

Федор Спиридонович в отечественной литературе лицо примечательное, хотя его труды на ниве российской словесности хранятся, скорее всего, в архивах III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и Министерства внутренних дел в жанре отчетов и донесений и ждут своего опубликования. В этих трудах мы бы увидели значительных представителей нашей литературы глазами незаурядного жандарма, между прочим, из родовитых дворян.

Нет, Федор Спиридонович не родился жандармом, хотя придет время, и он повелит похоронить себя в жандармском мундире, право на ношение какого-то за ним было сохранено по Всемилоштивейшему дозволению императора Александра II при выходе генерала в отставку на семьдесят четвертом году жизни.

А мог бы Федор Спиридонович и вовсе не родиться, если учесть, что по его рождению папаше, кавалерийскому вахмистру в отставке, исполнился 71 год. И кем бы тогда были заполнены печальные страницы истории нашей литературы и доблестные страницы в истории жандармской службы, к сожалению, не все еще до сих пор открытые? Пустыми они бы не остались, но у Ракеева был свой почерк с кавалерийским росчерком!

Деревенька Витязи на Смоленщине с 17 душами крепостных рабов мужского пола и 12 женского, оставшаяся от почившего отца, не могла достойно содержать осиротевшее семейство. И 12 лет от роду Федор Спиридонович идет на службу, сначала гражданскую, а вскоре и в военную по провиантской части. Начал письмоводителем. При провиантмейстерах это лица особо доверенные, их вдохновенной рукой выводятся отчеты о поставках и расходах. Начальство Федором Спиридоновичем довольно. Подросток, юноша, а сметлив и старателен, выводил все правильно. Вот и шел по службе, как божья коровка, не спеша, от ступеньки и на ступенечку. И вот он уже комиссионер Гренадерского корпуса, потом 5-го кавалерийского, а в свои 26 стал комиссионером при Главной полевой провиантской комиссии. Но в 1827 году в 30 лет — в расцвете сил — коллежский ассессор, считай майор, Ракеев вдруг уходит в отставку. Нет, не бежал. Уходит почетно, с правом ношения мундира. Женится.

Отдохнул и через пять лет снова в службу, теперь чисто военную.

С какого бока ни посмотри, неотделим Федор Спиридонович от отечественной литературы. И не только потому, что улица Ракеевская оказалась в каком-то поселке недалеко от улиц Пушкина и Гоголя.

Откуда вдруг берутся, к примеру, такие рифмы?

У Николая Васильевича Гоголя есть замысловатая повесть «Нос», и действует там тоже коллежский ассессор некий Ковалев, предпочитающий, чтобы его именовали

майором. И застаёт читатель Ковалева, мечтающего о карьере, в возрасте как раз 35 лет, в том самом, в каком коллежский асессор Федор Спиридонович пятилетний отдых прервал и решил начать службу *по-настоящему*.

И словно вдогонку пошедшему в карьеру, кричит ему из другой повести другой мечтатель Аксентий Иванович Поприщин: «Погоди, приятель! Будем и мы полковником, а может быть, если Бог даст, то чем-нибудь и побольше».

Но не дал Бог Поприщину ничего, а Федору Спиридоновичу Ракееву и полковника, и даже побольше.

Вроде уже и не молод для военных экзерциций, а словно чувствовал, что жизнь впереди долгая, а может быть, просто испытал прилив сил или, как говорят поэты, прекрасный порыв души. Вот и ринулся из смоленской деревеньки Витязи напрямиком в Санкт-Петербург.

Как раз об эту пору граф Александр Христофорович Бенкендорф создает корпус жандармов. Отбор строг. Принимает «наипервейших, способнейших и преимущественно служивших в кавалерии». И то, что в кавалерийском корпусе Федор Спиридонович недолго служил и только по провиантской части, на скаку лозу не рубил, в сражениях не участвовал, проницательного Александра Христофоровича не смутило: «Зачислить в Санкт-Петербургский жандармский дивизион!» И угадал с первого взгляда! Надо думать, была какая-то печать на Федоре Спиридоновиче, а может быть, глаз у Александра Христофоровича был приметлив на нужных для его проникновенного дела людей.

Служба в столице у Ракеева пошла блестяще. Особенно хорош был в командировках, а это же во все концы на лошадях, а дороги у нас, сами знаете, какие, но испытание прошел, надо думать, сказала кавалерийская жилка предков.

Впервые имя жандармского капитана Ракеева появляется в истории отечественной литературы в горчайшую минуту похорон Александра Сергеевича Пушкина на этапе беспримерной скачки из Санкт-Петербурга в Святогорский монастырь.

Сам Александр Христофорович Бенкендорф выбрал, кому доверить сопровождение беспокойного поэта в последний путь из столицы в Святые Горы.

Ракееву доверяли и по службе, и по анкете: дворянин, да еще какой, род Ракеевых прослеживается с XVII века. Благородная кость! В том, что от властей дали в сопровождение надежного, хороших кровей жандарма, ничего худого не вижу. Дорога дальняя, всякое может быть. В записках Александра Сергеевича Пушкина читаем о грабежах аж на Дворцовой площади, а тут экая даль.

Друг поэта Александр Иванович Тургенев, верный слуга поэта Никита да жандарм, небогатые проводы, но об этом уже много сказано и даже показано в художественном фильме «Последняя дорога». Федор Спиридонович — человек чувствительный, признавался, что «смотреть даже было больно», как убивался Никита, «что за преданный был слуга!»

А как летели! За два дня отмахали почти четыреста верст. За два дня! Впереди скакал Федор Спиридонович, а сани с гробом уже мчались за ним... Куда спешили? Так высшее начальство решило: привезти скоренько, и быстренько закопать, и не превращать простое дело в событие губернского или уездного масштаба с участием, того гляди, досужей публики. Хорошо еще, что дорога зимняя, на летней дороге да на мостах из поперечных бревен, что под колесами ходуном ходят, и болты и заклепки бы повывлетали, рессоры полопались, а то и кости седоков могли не уцелеть.

Иное дело — сани!

Прискакали так лихо, что и могила была еще не готова...

Стремительно и с блеском исполнив деликатное поручение, Федор Спиридонович в этом же 1837 году исполнил куда более ответственную миссию с дипломатским оттенком и тоже литературным. Летом он встречал и сопровождал самого правителя Черногории архиепископа Петра Негошу — личность, глубоко почитаемая в Черногории: он и правитель, и устроитель государства, да еще и выдающийся поэт в сербской литературе. Придет время, и черногорского монарха наш Александр III назовет своим единственным в Европе другом. Впрочем, «роковые черногорки», жены наших великих князей, увлекавшиеся мистикой и оккультизмом, привели ко двору Григория Ефимовича Распутина, чем дело кончилось, известно. Вклад же капитана Ракеева в укрепление российско-черногорских связей был оценен повышением в чине.

А еще счастливый для Федора Спиридоновича 1837 год ознаменовался приобретением собственного каменного дома на Большой Подьяческой. Будет со временем куплен еще один дом, только что не на Невском, тоже большой и каменный. Улица Грязная была к тому времени уже переименована в Николаевскую, ту, что нынче Марата, так дом № 4 как раз ракеевский.

По всему видно, высоко ценил государь труды верного благородного жандарма.

В 1847 году по определению Санкт-Петербургского Дворянского собрания Ракеева с сыном Георгием-первым включили в шестую часть Дворянской родословной книги Петербургской губернии. Почему Георгий-первый? А будет еще и Георгий-второй.

Как же это в Вырице, да еще неподалеку от славных наших писателей, рядом с созвездием первых имен русской литературы оказался, нет, не капитан, уже полковник, а потом и вовсе генерал-майор по Министерству внутренних дел?

Не случайно, совсем не случайно.

Его имя любознательный читатель встретит в истории ареста и гражданской казни Николая Гавриловича Чернышевского, славного человека, чье имя — гордость нашего отечества.

Крепко знал свое дело его благородие Федор Спиридонович, может быть, им тоже гордились и в III отделении, и в МВД, если ему же доверили арестовать и препроводить на четыре года в Петропавловскую крепость едва окончившего университет Дмитрия Ивановича Писарева, уже заявившего о себе в журналистике. Одиноким заключением поплатился молодой литератор за неопубликованный памфлет. Молодость, молодость...

Власти свирепствовали по выбору, кого в Свеаборг, кого в Шлиссельбург, кого в Нерчинск и на десятки лет. А Дмитрию Ивановичу, напротив, дозволено было в тюрьме писать! Впрочем, как и Николаю Гавриловичу.

Биографы Дмитрия Ивановича Писарева убедительно свидетельствуют о том, что здесь-то, в каземате, и раскрылся его литературный талант в полной мере. Так что при некотором воображении можно допустить, что и Федор Спиридонович способствовал в меру отпущенных ему сил творческой работе в уединении: Чернышевскому над романом «Что делать?», а Писареву над его лучшими статьями «Реалисты», «Мотивы русской драмы», «Мыслящий пролетариат» и др.

Выйдет из каземата на свободу в ноябре 1866 года Дмитрий Иванович уже знаменитым, а в июле 1868 года его жизнь на двадцать восьмом году, как известно, трагически оборвется...

А вот деятельность Федора Спиридоновича Ракеева не ограничивалась только первыми именами отечественной литературы.

Сколько их, уже забытых! Как говорится: «Имя их ты, Господи, веси!» То есть одному Богу известно, поскольку и III отделение, и Министерство внутренних дел имеют право на служебную тайну.

Многие ли помнят имя поэта и переводчика народовольца Михаила Михайлова? А Ракеев и его *брал* в 1861 году за распространение революционных прокламаций. Дали — 12,5 лет каторги. Отправили в Нерчинск, место литературное. Надо думать, на каторге поэт и переводчик Михайлов показал себя перед администрацией с лучшей стороны, как пишут в служебных характеристиках: «твердо встал на путь исправления». Срок скостили до шести лет. А через два года и вовсе перевели в село Кадуя, неподалеку от Нерчинска. И здесь Михаил Илларионович успел завершить роман «Вместе» и дополнить свои «Записки» «Сибирскими очерками». Здесь, в Кадуях, он и скончался 36 лет от роду.

Российская тюрьма и каторга в какой-то мере способствуют литературному творчеству. В этой связи не будем преувеличивать роль Федора Спиридоновича, но и не забудем о его посильном вкладе. А вклад, надо думать, был значительный, если закончил свою карьеру Федор Спиридонович в высшем жандармском звании генерал-лейтенанта, «имея заслуги, оставшиеся служебной тайной». Так что только скромность тех, кто пользовался талантом и усердием Федора Спиридоновича, не позволяет и нам в полной мере воздать должное незаурядному жандарму.

Воздаяние от престола Федор Спиридонович получал регулярно. Летом 1836 года был удостоен личной благодарности от императора Николая I «за поддержание порядка в Петергофе». От чего и кого спас в ту пору еще штабс-капитан, что грозило престолу отечеству, до сих пор неизвестно. Только благодарность лично от государя, да еще такого строгого, как Николай Павлович, на пустом месте не получишь.

Кадровая политика — святая святых любой власти. Назначения, продвижения, повышения, низвержения — тайна, конечно, но если со службы не отпускают и шестидесятипятилетнему полковнику поручают аресты, если держат до 73 лет в строю, значит, надежен и незаменим.

Да и как идти на заслуженный отдых, если в университетах стачки, если журналы позволяют себе бог знает что, если в государя уже стреляют! Какой покой! Какая отставка!

Трудно небось идти в шестьдесят-то пять лет на обыски и аресты, а кому тогда было легко?

Расходы III отделения в 1865 году — 55 тысяч рублей, а в 1866-м — 166 тысяч! Да еще 52 тысячи только на охрану царской семьи... Вне сомнения, положение в стране, ситуация в столице, пожалуй, еще и кадровый кризис продлили пребывание Федора Спиридоновича на действительной жандармской службе выше всяких пределов.

Да, выстрел отставного студента двадцатипятилетнего Дмитрия Владимировича Каракозова 14 апреля 1866 года в императора Александра II у выхода из Летнего сада к Неве стал как бы стартовым выстрелом охоты на государя.

Вот и удерживали Федора Спиридоновича, как могли. И хотя устал и желал бы охранный воин покоя, но, надо думать, стал жертвой собственного усердия.

Дорожили. Сейчас бы сказали: золотой фонд!

После подвигов полковника Ракеева в 1861—1862 годах речь идет об удачных арестах в беспокойной столице, окутанной дымом пожаров неизвестного происхождения, на следующий год тут же Федору Спиридоновичу было пожаловано звание генерал-майор.

А как же улица-то Ракеева появилась в Вырице?

Да очень просто. Талантливый человек не бывает талантлив только в чем-то одном. Его благородие не чурался и дел коммерческих. Федор Спиридонович умел с пользой распорядиться посильно накопленными после сиротского детства и провиантской службы деньгами, теми, что оставались от покупки домов в центре столи-

цы и деревеньки на родной Смоленщине, вот и давал Федор Спиридонович ссуды от щедрого сердца.

Когда владелица деревни Вырицы помещица, жена гвардии поручика Софья Петровна Богданова «в удовлетворении кредита» оказалась несостоятельной, вот и пришлось за 12 тысяч серебром уступить Вырицу вместе с крепостными рабами Федору Спиридоновичу. Обо всем этом поведали пристальные историки Ингерманландского края, наши дотошные современники Андрей Бурлаков и Андрей Барановский.

Приобрел Вырицу вместе с 33 душами мужского пола и 49 душами полу женского в 1846 году не штабс-капитан, а жандармский полковник Ракеев, а через 20 лет продал Вырицу уже, как было сказано, его превосходительство генерал-майор Ракеев. Из рабства на волю после 1861 года вышли во временнообязанные 45 душ мужского пола и 79 женского. За 20 лет благодетельного труда хозяина с военной жилкой население деревни с лесными угодьями и устроенной лесопильней увеличилось! И дорогу от Динабургского шоссе до деревни Каушты поправил. Добираться от станции Сиверской, что на Варшавской железной дороге, в этот когда-то глухой угол стало сподручней. Так что в память о рачительном хозяине и редких свойств генерале благодарные потомки дали одной из улиц имя Ракеевская.

А вот почему эта улица оказалась рядом с «литературным кварталом» и ускользнула от непреклонных переименователей, надо бы спросить у тех, кто понимает, что такое «ирония истории», у Гегеля хотя бы.

Может ли распространяться «ирония истории» на события загробные, сказать не берусь. Но события были. Серьезные события.

Федор Спиридонович завещал похоронить его отнюдь не в столице, где возрос в карьере и в малоизвестных кругах прославился. Похоронить себя велел на Смоленщине в прикупленной им деревне Николо-Ядровичах, так сказать, «ближе к милому пределу», недалеко от родовых Витязей. Смею предположить, едва ли это желание было навеяно одной из зимних служебных командировок в счастливом 1837 году.

Может быть, понимал, что в столице, пусть он кому-то и хорошо известен, но кто-то и косым взглядом, а то и неприязненным может посмотреть на его могилу. Нет уж, лучше, как на Руси говорят, быть первым на деревне. Вдова воздвигла в селе двухъярусный краснокирпичный храм, сочетавший в себе стили и предпочтения на разный вкус, и на французский, и на нижегородский. Ну что ж, в конце века эклектика была в силе.

Верхний храм, скорее придел, был во имя святителя Николая, нижний, где и упокоился в склепе забальзамированный Федор Спиридонович, освятили во имя Георгия Победоносца.

А вот упокоение оказалось недолгим. Вот тебе и «вечный покой»!

В 1932 году в храм пришли как бы коллеги Федора Спиридоновича нового призыва, тоже из организации по части *внутренних дел*, именовавшейся по моде времени НКВД. Не с добром пришли, хотя вроде бы как-никак к человеку, в известном смысле, по роду занятий, близкому.

По сути дела, пришедшие к месту упокоения генерала от жандармерии сотрудники, как говорится, в *штатском* принадлежали к тому же воинству, что ведут сражения с противником, заранее обреченным, не имеющим не только средств нападения, но и защиты. Лишь покорность судьбе и безупречное следование как писаным, так и неписаным законам оставляло противникам надежду избежать окончательного поражения, а то и гибели.

Вообще-то, коллегиальная солидарность еще с рыцарских времен перешла и в нынешние. Так в Первую мировую войну с почестями хоронили летчиков и своих, и пилотов противника, отдавая дань почтения людям трудной и отчасти героической профессии.

Трудным и отчасти героическим было, разумеется, и дело чекистов. Однако пребывая, надо думать, в нравственном затмении, смоленские чекисты в круговороте новых интересов храм разорили. Оклады с икон сняли, можно сказать, посрывали, утварь серебряную и позлащенную поперли, это понять можно, нужда заставила, но ведь и склеп вскрыли, мундир, генеральский жандармский мундир, поношенный, ни надеть, ни продать, — все равно украли, тело выкинули. Сами ушли.

Чистое озорство.

Чекисты называется! Тому ли их учили Феликс Эдмундович Дзержинский, Моисей Соломонович Урицкий, Вячеслав Рудольфович Менжинский и троюродный брат Якова Михайловича Свердлова Генрих Григорьевич Ягода?

Не в каждой деревне покоятся генералы, вот местное население, все-таки после памятного набега вернули генерал-лейтенанта внутренних дел в склеп. Почему? Да потому, что на селе начались явления, объяснения которым и поныне не найдено. Мистический туман, окутывавший Николо-Георгиевскую церковь, науке не по зубам. Тем более у неразумных крестьян все, что непонятно, вызывает только страх. И поэтому когда предложили в разоренной церкви сделать клуб, местное население, упертое в предрассудках, решительно отказалось. Тогда им предложили альтернативу: сделать в храме склад для удобрений и корма для скота. Это куда ни шло, согласились. Верхний храм — сено. Удобное крыльцо с наверху в стиле старорусских теремов вело прямо на второй ярус, удобно завозить сено. А на нижнем — удобрения. Тоже хорошо. Сподручно лопатой работать.

И здесь, как раз в связи с мистическими явлениями, надо заметить, что не только у храма оказалось две жизни, культовая и светская, но двойственность наблюдается и в жизни Федора Спиридоновича.

Дважды вступал в службу? Ну и что?

Две службы — гражданская и жандармская. Опять, ну и что?

А вот то, что служба жандармская состоит из видимой части и невидимой, «оставшейся служебной тайной», это существенно.

Однако невидимая честь оставила свой неожиданный след. Нигде, нигде не сохранилось, как ни искали, изображения, портрета, рисунка или хотя бы дагеротипа Федора Спиридоновича. Был, и словно его не было! Уже с конца 50-х годов прекрасно сохранились изображения в фас и профиль тех, кому посвятил большую часть своей жизни Федор Спиридонович. Все эти казненные Каракозовы, Русаковы, Кибальчичи и даже не опознанные при повешении мечтательные террористы Степан Халтурин и Николай Желваков налицо, а как выглядел глазами современников и сослуживцев Ракеев, не знаем.

Для генерал-лейтенанта звание в жандармерии исключительно высокое и потому редкое, даже странно.

И едва ли какая-нибудь наука объяснит, куда и почему исчезло лицо видного генерала внутренних войн. Вопрос, на который не ответит история. Тут смотри выше!

Но ведь и семейная жизнь по-своему двойственна. Двое сыновей, и оба Георгии. От первой супруги Федор Спиридонович имел сына Георгия, героически погибшего в Инкерманском сражении на Крымской войне. Вот и сына от второй супруги Марии Петровны Шупинской наперекор злой судьбе Федор Спиридонович опять назвал Георгием в память о погибшем первенце.

А вот Георгий-второй был так же успешен, как и отец. Окончил Пажеский корпус и пошел в гору, к 1915 году дослужился до действительного тайного советника. Не каждый министр, пребывая в должности, имел такой чин. По военной табели со-

ответствует «полному генералу». Не посрамил отца, хотя к жандармскому делу отношения не имел.

И что, быть может, самое удивительное, когда в 1993 году, на исходе XX века, удобрения и корма из все претерпевшего храма выдворили, нашлись и останки Федора Спиридоновича. Собрали и поместили их внутри храма в стене с надлежащей почтительной надписью: «Вечная память... Вечный покой...»

Посмертная судьба генерала от жандармерии, оставившего свой след в истории нашей литературы, прямо скажем, незавидная, но, как оказалось, всепрощающая доброта, дающая иногда о себе знать, в конце концов одержала верх, что порождает надежду.

И как-то не верится, что исчез окончательно Федор Спиридонович! Где-то, уверен, лежат неопознанные фотографические снимки на твердом картоне с выписанным вязью именем и адресом фотомастера на обратной стороне, или висит в каком-нибудь, может быть, даже в многолюдном месте на стене писанный маслом генерал с подписью: «Портрет неизвестного». И смотрит пристальным, неотступным и строгим, а может быть, и усталым взглядом на нас неизбежный и почти забытый, если бы не улица Ракеевская, Федор Спиридонович, смотрит на беспорядки наши и в жизни, и в литературе, и не качает сокрушенно головой, и не может подсказать, как сделать лучше сообразно с его правилами долга и чести.